

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВКЛАДЧИК «СОВРЕМЕННОКА».

О бытовании устных мемуаров в пушкинском кругу

ЕКАТЕРИНА ЛЯМИНА

Непродолжительные, но весьма насыщенные интеллектуальные контакты Пушкина и А. С. Стурдзы, пожалуй, не обойдены вниманием исследователей, однако в первую очередь Стурдза занимал ученых как объект двух эпиграмм Пушкина, и лишь затем — как его собеседник. Пожалуй, второй аспект их общения сколько-нибудь подробно рассмотрен только в двух, довольно давних, работах¹. Всплеск интереса к фигуре Стурдзы, пришедшийся на последние полтора десятилетия, концентрируется прежде всего вокруг его деятельности на поприще дипломатии, идеологии и религиозного просвещения, и с названным сюжетом соотносится косвенным образом².

Хронологически общение Стурдзы и Пушкина распадается на три этапа.

В течение первого, петербургского, когда состоялось их знакомство, они могли видаться начиная с 11 июня 1817 г. (окончание Пушкиным Лицея) до начала сентября 1818-го (отъезд Стурдзы в Аахен на конгресс Священного союза³). Из означенного промежутка следует, однако, исключить месяц с небольшим, который Пушкин прожил в Михайловском (отсутствовал в столице предположительно с 9 июля по двадцатые числа августа⁴), и полгода (октябрь 1817 – конец февраля 1818), которые император, а с ним и многие чиновники министерства иностранных дел, в том числе Стурдза, провели в Москве⁵. Дополнительным фактором, позволяющим предполагать, что в этот период встречи Пушкина и Стурдзы были довольно мимолетны и, происходя у общих знакомых или, что менее вероятно, в публичных городских пространствах, едва

ли были окрашены специальным взаимонаправленным интересом, выступают личные обстоятельства последнего: 16 марта 1817 г. родами скончалась его первая жена (урожд. Чичерина), а 20 июня следующего года умерла его сестра Елена, несколько месяцев назад вышедшая за Д. П. Северина. Эти потери серьезно расстроили и без того не отличавшееся крепостью здоровье Стурдзы и усугубили в нем меланхолию и склонность к домашнему затворничеству⁶.

Об одной из встреч с Пушкиным (не исключено, что единственной) той поры Стурдза оставил свидетельство в очерке «Беседа и Арзамас в царствование императора Александра I. И мои воспоминания», законченном в исходе сентября 1851 г.:

Однажды, зашедши к [А. И.] Тургеневу, я застал у него молодого Пушкина, в ком Карамзин и Жуковский предузнавали и лелеяли развивающийся высокий дар. Принесли к Тургеневу новый портрет Жуковского, и тут же Пушкин, любуясь им, написал следующие к нему стихи, многим уже известные:

Его стихов пленительная сладость
 Пройдет веков завистливую даль;
 И внемля им, вздохнет о славе младость,
 Утешится безмолвная печаль
 И резвая задумается радость.

Тургенев был вне себя от радости и показывал мне с добродушной гордостью стихи, только что начертанные питомцем Лицея⁷.

Автор, как видим, не указывает, когда именно состоялась эта встреча; кроме того, выход поэта из Лицея здесь подвергся хронологическому смещению. Тем не менее, данный фрагмент является одним из оснований для датировки стихотворения «К портрету Жуковского»:

В январе–феврале 1818 г. Пушкин болел; Тургенев же с 8 или 9 апреля до 20 мая был в Москве <...>. Сцена, рассказанная Стурдзой, таким образом, могла иметь место или в марте, или между 21 мая и 1 июня 1818 г., поскольку 2 июня 1818 г. А. М. Горчаков уже посылал Пешуровым письмо с копией стихотворения⁸.

Дополнительную ясность в эти построения внесла бы точная дата возвращения Стурдзы в столицу, но ее, к сожалению, пока установить не удалось⁹.

Как известно, обнародование “*Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne*” [«Записки о нынешнем положении Германии»], составленной Стурдзой по заказу императора для участников Аахенского конгресса, вызвало студенческие волнения в Германии; российский кабинет между тем не спешил брать на себя ответственность за ее содержание. Работа конгресса завершилась 1 (13) ноября 1818 г., после чего Стурдза перебрался в Веймар, где несколько месяцев прожил у сестры и ее мужа Альберта фон Эдлинга, министра саксен-веймарского герцога. Уклонившись от дуэли (картель был от имени студентов Иенского университета опубликован в ряде немецких газет), он уехал в Дрезден, где намеревался лечить заболевание глаз, но 11 (23) марта 1819 г. в Мангейме был убит А. Коцебу, и дальнейшее пребывание Стурдзы в Германии сделалось крайне опасным.

Через Австрию он добирается до Варшавы, где проводит некоторое время. Дата его отъезда в Россию традиционно устанавливалась по письму П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу (вторая половина апреля по ст. стилю):

Наконец, Стурдза уехал отсюда с руками, ногами и головою. <...>
Шутки в сторону: весь легион полицейский был день и ночь на ногах¹⁰.

Уточнить ее позволяет письмо Стурдзы к его коллеге по внешнеполитическому ведомству А. И. Барклаю де Толли (племяннику знаменитого полководца), на тот момент занимавшему пост старшего секретаря российского посольства в Дрездене. Благодаря своего знакомца за «живое участие», которое тот принял в его злосчастном положении (12 апреля Вяземский пересказывал Тургеневу толки о том, что «дрезденское правительство убедило» дипломата «выехать, не отвечая за его жизнь, несмотря на всю бдительность полиции»¹¹), Стурдза уведомляет его о том, что покидает Варшаву на следующий день, т.е. 22 апреля (4 мая)¹².

В пушкиноведческой литературе по моменту отбытия Стурдзы из Варшавы устанавливается нижняя граница времени создания упомянутых выше текстов: «Холоп венчанного солдата...» и «Я вокруг Стурдзы хожу...» (верхняя граница — отъезд Пушкина в Михайловское 10 июля)¹³. Комментаторы новейшего академического издания Пушкина исходят из предположения, что Стурдза двинулся в Петербург, соотнося возникновение эпиграмм с его появлением в столице. Между тем в уже цитированном письме Вяземского от 12 апреля прямо сказано о том, что Стурдза «ждет сюда матери (которая, может быть, вчера уже и приехала), и вместе поедут в белорусскую деревню, где, по его словам, проживут они как можно долее». Этим планам Стурдза и последовал: из польской столицы он направился напрямик в свое могилевское имение Устье, где с короткими отлучками провел ближайшие четыре года. Немаловажно, что о его приезде в Петербург ни словом не упоминает и Тургенев, внимательный и возмущенный читатель «Записки о... Германии», к тому же получавший информацию о Стурдзе от Северина, который состоял с семейством своей покойной жены в регулярной переписке¹⁴.

Таким образом, эпиграммы Пушкина, подводящие своеобразный итог первому этапу его знакомства со Стурдзой, были созданы на фоне жарких дебатов об «ахенской записке»¹⁵ и ее авторе, но, так сказать, в его отсутствие, по прежним личным впечатлениям о нем.

Фундированный комментарий, которым эти тексты сопровождаются в новейшем академическом собрании, освещает ключевые вопросы, давно им сопутствующие: 1) спор об адресате эпиграммы «Холоп венчанного солдата...» и числе строк в ней; 2) фольклорные источники катрена «Я вокруг Стурдзы хожу...», тем самым избавляя нас от необходимости на них останавливаться. Заметим только, что негативистский импульс первого из этих экспромтов оказался так силен, что косвенным образом препятствовал не только непредвзятому изучению отношений Стурдзы с Пушкиным, но даже корректному введению в научный оборот его весьма содержательных мемуаров, хотя большинство их увидело свет в таком доступном издании,

как «Москвитянин». Характерным образом относящиеся к Пушкину отрывки из двух очерков Стурдзы («Воспоминания об Иване Никитиче Инзове»¹⁶ и «Беседа и Арзамас...») [фрагмент процитирован нами выше] проигнорированы во всех изданиях сборника «Пушкин в воспоминаниях современников», а приведенную во втором из этих текстов колоритную историю о Крылове, который в тайне от Гнедича выучил древнегреческий язык (рассказанную мемуаристу, что немаловажно, самим Гнедичем во время его пребывания в Одессе осенью 1827 г.¹⁷), тщетно было бы искать в соответствующей «крыловской» мозаике.

Рамками второго, одесского, периода общения Пушкина со Стурдзой служит осень 1823 г., с одной стороны, и 1 августа 1824 г., когда поэт выехал в Михайловское, — с другой. На цепочке событий, предшествовавшей первой из этих дат, следует остановиться несколько подробнее.

Осенью 1819 г. Стурдза, болезненно переживавший уклончивость, которую проявил Александр I в скандале с «Запиской о... Германии», уступает настояниям сестры, убеждавшей его, что «в такое время <...> нельзя отдалять себя от дел, когда служишь христианскому государю, да и сам христианин»¹⁸, и пишет в Петербург о желании продолжать службу, если ему будет позволено оставаться в Устье (формально он находится в отпуске по состоянию здоровья). Дело устраивается желаемым образом: в Белоруссию в качестве секретаря Стурдзы едет его хороший знакомый и сослуживец по Коллегии иностранных дел Ф. И. Бруннов.

Уже в ноябре Стурдза получает от императора «заказ» на подробное обозрение европейских событий 1819 г. для публикации за границей в виде анонимной брошюры, которая отражала бы точку зрения российского правительства. Написанный к концу января 1820 г. текст¹⁹ демонстрирует, что внутреннюю и внешнюю политику Стурдза осмыслял, исходя из единой идеологической установки. По его мнению, ситуация в Европе подталкивает две важнейшие политические силы, «абсолютную власть» и «либеральные идеи», к компромиссу (пе-

ремены необходимы, но осуществимы только «сверху»); главным же условием восстановления общеевропейского спокойствия он называл реформу образования, плодом которой стало бы «постоянное и спасительное согласие между верой, ведением и властью, т.е. между христианским благочестием, просвещением умов и существованием гражданским»²⁰. Александр I одобрил сочинение Стурдзы, но бурное развитие событий зимы – весны 1820 (убийство в Париже герцога Беррийского, начало революций в Испании и Неаполе) лишило этот текст актуальности, и он не увидел света.

В последующие полтора года император через Каподистрию неоднократно запрашивал мнение Стурдзы:

Алеко часто приходит мне на помощь. Все, что он сообщил нам по вопросам, которые мы ему предлагали и предлагаем, превосходно...²¹

Так, на конгресс в Троппау он прислал проект практического приложения идей Священного союза к конструированию новой Европы²².

Весной 1821 г. в Греции началась революция. Нежелание российского правительства оказывать восставшим военную помощь вызвало энергичные, но безрезультатные протесты Каподистрии и Стурдзы. Последний, нарушив «устыинское затворничество» и в начале ноября ненадолго приехав в Петербург, видится с императором и вручает ему письменное изложение своего мнения по поводу греческих событий²³. В августе 1822 г. Каподистрия навсегда покидает Россию; Стурдза, получив в том же году бессрочный отпуск и тем самым дистанцировавшись от официальной точки зрения, выпускает брошюру “La Grèce en 1821 et 1822” (Paris, 1823). Здесь, апеллируя к общественному мнению Европы, он доказывал, что восстание греков — не бунт против султана как легитимного монарха, но законная попытка христианского народа сбросить исламское иго.

По всей видимости, в первой половине 1823 г. Стурдза (возможно, не единожды) приезжал из Устья в Кишинев и Одессу. К этому времени его полное удаление от дел стало реально-

стью, хотя формально он по-прежнему находился на службе. Александр I — вероятно, желая несколько смягчить разрыв и воздать должное заслугам Стурдзы и Р. Эдлинг — высказал намерение пожаловать им обоим поместья в Бессарабии²⁴. Ожидая соответствующего распоряжения (последовало в апреле 1824 г.²⁵), брат и сестра, по отцу принадлежавшие к древнему молдавскому роду, начали заново обживать и без того отнюдь не чуждое им географическое и культурное пространство с центрами в Кишиневе и Одессе. Нелишне напомнить, что их отец, Скарлат Стурдза, в апреле 1812 г. получил должность гражданского губернатора Бессарабии, только что вошедшей в состав империи, и занимал ее вплоть до кончины в 1816 г. Сам Стурдза в 1813 г. активно помогал отцу в устройстве края, а после его смерти через Каподистрию добился для Бессарабии независимости от решений Сената и Комитета министров; все дела поступали к Стурдзе как главе канцелярии Каподистрии, а последний в качестве статс-секретаря докладывал их императору. С генералом И. Н. Инзовым, который с июня 1820 по июнь 1823 г. исполнял должность наместника Бессарабии и жил в Кишиневе, Стурдза был хорошо знаком еще с 1812 г., со времен службы в дипломатической канцелярии командующего Дунайской армией П. В. Чичагова. По матери-гречанке (урожд. кн. Мурузи) Стурдза находился в родстве со множеством греческих дворянских семейств, в разное время и в силу разных событий осевших в этом краю, куда в мае 1820 г. попал Пушкин.

Поэт, прослуживший при Инзове более трех лет, после передачи наместнических полномочий М. С. Воронцову уезжает в Одессу (появился в городе в начале июля 1823 г.), где уже с год как обосновалась Р. С. Эдлинг и куда осенью 1823-го переехал ее брат²⁶. М. А. Цявловский относит вхождение Пушкина в дом графини Эдлинг к первым же дням его пребывания в городе²⁷. Надо полагать, вскоре у него появилась возможность возобновить знакомство и со Стурдзой. Во всяком случае, 14 октября 1823 г., цитируя свои же «стансы на С.-», он замечал в письме к Вяземскому:

Здесь Стурдза монархической; я с ним не только приятель, но кой о чем и мыслим одинаково не лукавя друг перед другом²⁸.

В беглые встречи 1818 г. Стурдза, скорее всего, предстал Пушкину как статусная фигура, близкая к кругу его старших друзей и знакомых (Жуковского, Северина, братьев Тургеневых), — как видный чиновник министерства просвещения, автор получившей значительный резонанс книги “*Considérations sur la doctrine et l’esprit de l’église orthodoxe*” (1816), изданной в Германии на счет императора и, в параллель, опытный дипломат. Степень его короткости с «арзамасским братством», однако, не стоит преувеличивать, ибо дружбы как таковой — в особенности в таком ее изводе, который был принят в этом milieu, Стурдза чуждался. Родственные узы, видимо, вполне заменяли ему дружеские отношения; к тому же одной из важнейших составляющих любого общения для него была не столько интеллектуальная, сколько собственно духовная. С другой стороны, в глазах Пушкина Стурдза в это время, несомненно, выглядел консерватором, о чем свидетельствовало и его недавнее сотрудничество с «Беседой». В плане продвижения по карьерной лестнице Стурдза мог оказаться чрезвычайно полезен, тем более что он свободно чувствовал себя в рамках иерархической служебной модели взаимоотношений старших и младших и не отказывался составить протекцию, но для Пушкина такая модель была безусловно неприемлема. Оценить же энциклопедическую образованность Стурдзы, незаурядную стройность его мышления и риторический дар у молодого поэта в 1818 г. попросту не было возможности, ибо он почти наверняка не вступал со Стурдзой в сколько-нибудь продолжительный разговор.

Одесское общение, очевидно, эти лакуны заполнило.

Во-первых, Пушкин наблюдал Стурдзу и беседовал с ним у его сестры и мог вполне оценить своеобразие их семейного уклада, где непринужденное изящество тона, отшлифованное многолетним вращением в европейском высшем свете, сочеталось с искренней приверженностью национальным корням и традициям. Так, помимо французского, члены этой семьи го-

ворили и переписывались на новогреческом и молдавском языках, а мать семейства жила под одной крышей с взрослыми детьми.

Во-вторых, несмотря на ипохондрический склад, Стурдза мог быть увлеченным и чрезвычайно обаятельным собеседником. Одесский врач Д. Даллас в некрологической заметке о нем писал, в частности:

Одаренный умом пронизательным и живым, поэтическим воображением, он соединял с этим огромную память, самый точный порядок в размещении обширной и разнообразной учености своей, разум самый светлый и прямой <...> Стурдза был человеком светским в прекраснейшем смысле этого слова: чрезвычайно ученым, глубокомысленным, вкуса самого изящного, когда телесные недуги или душевное расстройство не тяготили его, и ума самого живого и приятного. Одна дама, хорошо его знавшая, говорила мне однажды, что нужно провести с ним несколько вечеров сряду, чтоб вполне оценить его. И я убедился на деле в истине этих слов, когда впоследствии мне удалось прожить около пятнадцати дней в его поместье. За вечерними беседами особенно блистал он умом своим, ослеплял остроумием, нередко возбуждавшим хохот, тогда как он сам едва улыбался²⁹.

Не будет натяжкой предположить, что с подобной эрудицией, особенно в области языков и богословия, Пушкину встречаться еще не доводилось. Ригористичный и резкий, особенно когда речь заходила о Греции, в оригинальности Стурдза не уступал блистательнейшим из прежних собеседников поэта — Карамзину, Чаадаеву и Пестелю, а по панъевропейской широте круга знакомств, уровню осведомленности и вовлеченности в дела внутренней и внешней политики едва ли не превосходил их.

В-третьих, несмотря на колоссальную разницу в обстоятельствах и положении, и тридцатидвухлетний действительный статский советник Стурдза, и двадцатичетырехлетний коллежский секретарь Пушкин, несомненно, отдавали себе отчет в том, что по воле императора они оказались вдали от столицы, на окраине империи, с нереализованными чаяниями и амбициями, с не вполне востребованными способностями.

Стурдза преодолевал эту дискомфортную ситуацию, избрав роль философа-филантропа, изнуряемого телесными немощами; поведенческая стратегия Пушкина состояла, как хорошо известно, в перебирании целого спектра ролей, что не спасало его по временам от «беспримерной мрачности»³⁰.

Немаловажно и то, что Стурдза в 1800-е гг. был автором сонетов, поэмы «Гибель Французской республики», комедии «Русский в Париже»³¹, сентиментальной «швейцарской были» «Леон-пустынный, или Альпийские сироты»³², стихотворной трагедии «Ржевский» (на сюжет из эпохи Смуты)³³, «вертеринанского» романа «Евгений и Клелия» (на немецком языке; текст не сохранился) и других оставшихся неопубликованными сочинений. В свое время всерьез примерявший амплу поэта («тихие занятия и мирная слава литератора казались мне — отроку и юноше — завиднейшим уделом в мире»³⁴), Стурдза лучше многих в Одессе мог оценить усилия, которые Пушкин вкладывал в выстраивание своего варианта этой роли. Во всяком случае, отдавая в мемуарах должное Инзову, сумевшему приспособиться к поэту, и не видя в этой ситуации ничего странного, Стурдза красноречиво умалчивает о том, как обходился с Пушкиным Воронцов, завершая свое рассуждение выразительной отсылкой к Евангелию (1 Кор. 13: 4–8):

Иван Никитич в этом успел — привязал к себе Пушкина, снискал доверенность его и ни разу не раздражил его самолюбия. Впоследствии Пушкин, переселясь в Одессу, при каждом случае говорил об Иване Никитиче с чувством сыновнего умиления. Этому я сам свидетель. В сем долговременном и необычайном отношении старца Инзова к неукротимому юноше, сознававшему в себе сугубый дар творчества и глубокомыслия, заключается, по моему мнению, поучительная истина, именно та, что любовь христианская все побеждает³⁵.

Итак, в 1823–1824 гг. у Стурдзы и Пушкина нашлось немало точек соприкосновения, чем и объясняется отзыв поэта о нем как о «приятеле». О чем же еще собеседники могли мыслить «одинаково»?

В. И. Семенов, опираясь на пассаж из “*La Grèce en 1821 et 1822*” («греки не подданные Порты в смысле юридическом и

христианском», раз их зависимость от власти заключалась в том, чтобы «раболепствовать, платить и повиноваться»), утверждает, что таким предметом было восстание в Греции. «Враг революций», Стурдза в данном случае «всеми силами защищает греческую революцию как гражданский долг»³⁶.

Судя по его мемуарам, этот вопрос в указанном аспекте обсуждался в салоне Эдлингов:

В 1824-м и 1825 годах мне довелось часто встречаться с Пушкиным в Одессе. Неукротимый дух его, в ту пору еще не дозревший, видимо чуждался меня как человека, гордившегося оковами собственной мысли. Однако несмотря на такое предубеждение я с удовольствием припоминаю, что однажды за обедом у моей сестры, сидя друг подле друга, я успел (впрочем, без всякого намерения) овладеть полным вниманием и сочувствием Пушкина. Мы беседовали о прошлом и современном; говоря о Турции, о восточных христианах, единоверных нам, я излагал перед ним причины сохранения их народного духа и веры под властью мусульман. Пушкин не знал, что на Востоке церковные пастыри исполняют должность судей и начальников гражданских, что вера и дух народный без всякого принуждения утвердили за ними эту вековую и спасительную власть, взамен порабощения иноплеменникам и как бы в залог будущего. Перейдя потом от сего поучительного явления к зиждительной силе и влиянию христианской веры вообще, я сказал между прочим Пушкину: теперь то и дело говорят о мечтательной политической свободе; а знаете ли, что в Евангелии, в котором заключены все высшие истины, мы обретаем определение истинной свободы. Господь сказал: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными». Заключите же из сего божественного изречения, что где нет *внутренней* свободы, там нет и *внешней*. Собеседник мой при этих словах изъясил простодушное удивление и сердечное участие³⁷.

Впрочем, и перечисленными сюжетами диапазон и регистр разговоров Стурдзы и Пушкина, по-видимому, не исчерпывается. Для старшего из собеседников было характерно мышление тематическими комплексами, блоки в которых скреплены не только логикой, но и множеством ассоциаций. Скажем, от личности генерала Инзова и службы Пушкина при нем легко было перейти к Бессарабии как особенной части империи:

к пестроте, своеобразию и постоянному движению населяющих ее народов, к молдавской аристократии, к Одессе и ее истории, к греческой диаспоре и ее знаковым фигурам. Так, хорошо известен интерес Пушкина к Александру Ипсиланти; менее известен тот факт, что Ипсиланти доводился Стурдзе родственником, и Пушкин мог получать свежую информацию о нем, обсуждая у Эдлингов новости греческой революции и деятельность гетеристов. Вполне вероятно, что в связи с Ипсиланти Стурдза рассказывал, например, о том, как последний бывал у них в доме во время Венского конгресса (в Вену приехал не только Стурдза в качестве кадрового дипломата, но и находившаяся в свите императрицы Елизаветы Алексеевны Роксандра, и их родители с младшей сестрой), как было учреждено общество «Филомузос Этерия» и как с одобрения Александра I начался сбор денежных взносов, в изобилии поступавших как от российской августейшей фамилии, так и от других европейских монархов и лиц из их окружения. В беседах с Пушкиным Стурдза не мог не касаться фигур Наполеона и Александра I, их исторического противостояния, развивая эти сюжеты в свойственной ему метафорической манере. Иными словами, покидая дом графини Эдлинг (оставляем в стороне вопрос о том, что и она, и ее муж также были уникально осведомленными собеседниками), поэт каждый раз должен был уносить с собой целый ворох полученных из первых рук свидетельств о большой европейской политике и ее ключевых персонажах, т.е. о том, что в эти годы составляло для него предмет жгучего интереса.

Третий период занимающего нас знакомства укладывается, в сущности, в один эпизод, генетически восходящий к описанным выше одесским беседам.

В конце 1820-х – начале 1830-х гг. Стурдза начинает записывать свои воспоминания. Одним из первых опытов такого рода явилась биография Каподистрии (по-французски), к работе над которой он приступил осенью 1831 г., сразу после получения известия об убийстве своего друга и бывшего начальника. Некролог быстро разросся в биографический очерк, уви-

девший свет в 1832 г.³⁸ В качестве составной части этот текст вошел в большое историко-политическое сочинение под названием «Отрывок из истории XIX столетия».

Рукопись этого труда (неясно, в оригинале или в переводе на русский язык) Стурдза 14 июня 1835 г. с оказией пересылает В. А. Жуковскому — не для публикации, к возможности которой он (видимо, уже предприняв какие-то шаги в этом направлении и столкнувшись с трудностями) относится скептически, но лишь для ознакомления:

Прошу и умоляю вас, прочитав оную и, если одобрите, поднеся для прочтения великому князю, надежде земли русской, в лице потомков наших, не сообщать этой книжки *никому*; но изыскивать средства к возвращению мне моего труда. Одно смиренное желание доставить пользу и удовольствие е. в. и вам побудило меня выпустить из рук *манускрипт*, приговоренный к неизвестности знатоками министерства иностранных дел. После этой последней поездки пусть сказания мои скроются опять в уголок, в котором, авось! созреют и дополнятся они для потомства³⁹.

Через месяц с небольшим Жуковский уведомлял своего старинного знакомого о получении его труда:

Надеюсь, сам прочитаю ее вместе с в.к. <...> но когда возвращу вам манускрипт, — не знаю, ибо скоро прочитать его будет невозможно. А вверить его кому-нибудь или почте — страшно⁴⁰.

Весной 1836 г. рукопись отправилась назад в Одессу. В сопроводительном письме Жуковский от 4 апреля, посетовав на некоторые длинноты, заметил, что все-таки считает возможным и нужным напечатать ее, но не целиком, а частично⁴¹. О «сказаниях» Стурдзы он вскоре же, видимо, переговорил с Пушкиным, сочтя, что тот может заинтересоваться ими и как издатель «Современника», нуждающийся в качественных материалах, и по давнишнему знакомству с автором. Не исключено, что Жуковский давал увесистый манускрипт Стурдзы на просмотр Пушкину⁴², прежде чем отослать его автору, но скорее, просто пересказал его содержание. Мы не знаем, от кого исходило предложение выбрать для публикации в журнале «отдельную историческую картину» — фрагмент, «в котором бу-

дет заключаться повесть о восстании Греции до убийства ее президента», с приложением «быстрого взгляда на жизнь Каподистрии до той минуты, в которую он предпринял последний путь свой»⁴³, но если такое пожелание сформулировал Пушкин, то здесь свою роль почти наверняка сыграла память о стержневой теме его одесских разговоров со Стурдзой.

13 апреля, по горячим следам разговора с Пушкиным, Жуковский передает Стурдзе его предложение, на которое автор «Отрывка...» откликнулся пространным письмом от 25 апреля:

<...> я долго колебался: отдать ли <...> труд совестный мой на *усекновение*! Мысль о *христианском Аристиде*, как вы назвали незабвенного Каподистрию, эта мысль, *одна*, и вами выраженная, победила все сомнения и борьбу отеческого сердца — авторского. <...> Между тем, прошу вас, прикасайтесь смело к моему тексту. Отсекайте лишние слова, заменяйте лучшими, не изменяя сущности событий. Я думаю, что можно и должно почти в то же время издать отрывок мой и в «Современнике», и особою книжкою. Для меня приятно, скажу даже — лестно явиться на столбцах журнала, издаваемого А. С. Пушкиным. Слава великого подвижника лучами своими сольется с славою великого нашего поэта, как все святое, выпрнее сочетавадается с изящным. Но всего для меня дороже, чтобы вы, почтеннейший Василий Андреевич, были издателем этого отрывка; а со временем, быть может, и всего манускрипта, когда у нас образумятся и поймут, что пора нашу молодежь ознакомить с истинною политическою историею России в наше время. <...> Вам предоставляю <...> труд мой хранить у себя заветною тайною дружбы, дочитать великому князю; сообщить, если захотите, одному Пушкину или со временем, выписав назначаемое вами к напечатанию, возвратить книгу, в целом объеме ее, мне или сестре, графине Эдлинг. Я знаю, кому вверю свое чадо. Если дойдет до печати, не отвергайте некоторых выражений библейских, свойственных моему слогу: *заботы лукавого дня, побеждать благим злое* и т.д.⁴⁴

Однако намеченный к публикации текст, как можно понять из замечания А. И. Тургенева весны 1840 г., не прошел цензуру: «Биография Кап<одистрии> соч<инения> Стурдзы. У нас запретили за три года пред сим печатание рукописи, хотя все хвалят»⁴⁵. Из редакционного портфеля «Современника» ману-

скрипт, по-видимому, перекочевал в затевавшийся П. А. Вяземским сборник «Старина и новизна»; во всяком случае, в анонсе о готовящемся выходе этого издания среди наиболее интересных материалов упоминалось и «воспоминание о графе Каподистрии и некоторых современных ему происшествиях»⁴⁶. Сборник, однако, выпущен не был. Мемуары Стурдзы о миновавшей совсем недавно александровской эпохе — одновременно поприще его политических и идеологических трудов и объекте интенсивной исторической рефлексии — увидели свет тогда, когда эта эпоха окончательно ушла в прошлое⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Семенов В. И. Пушкин и греческое восстание (Опыт исторического комментария к филэллинистическим пьесам Пушкина) // Пушкин: Ст. и мат. Одесса, 1926. Вып. II; Пушкин: Ст. и мат. Вып. III [Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина] / Под ред. М. П. Алексева. Одесса, 1926 [на обложке — 1927]. С. 86–88.
- ² См.: *Prousis Th. C. Aleksandr Stourdza: a Russian conservative response to the Greek revolution* // *East European Quarterly*. 1992. Vol. 26. № 3; *Ghervas S. Alexandre Stourdza (1791–1854): Un intellectuel orthodoxe face à l'Occident*. Genève, 1999; *Домникова Г. М. Александр Скарлатович Стурдза: Опыт характеристики* // *Христианство и русская литература*. СПб., 2002. Сб. 4; *Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: Из истории религиоз. идей Александровской эпохи*. Саратов, 2004, а также комплекс работ амер. исслед. А. Мартина: 1) *Martin Alexander M. Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I*. Northern Illinois University Press, 1997; 2) А. С. Стурдза и «Священный союз» (1815–1823) // *Вопросы истории*. 1994. № 11; 3) «Россия есть европейская держава...»: Проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли эпохи Александра I (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза) // *Исследования по консерватизму*. Пермь, 1998. Вып. 5; 4) Александр Скарлатович Стурдза // *Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия*. Воронеж, 2005. См. также нашу ст. в биогр. словаре «Русские писатели: 1800–1917» (Т. 6; в печати).

- ³ Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому. СПб., 1897. С. 61.
- ⁴ *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества Пушкина. Л., 1991. <Т. 1>: 1799–1826. С. 140, 142.
- ⁵ Александр I выехал из Царского Села 25 авг. 1817 г. 13 окт. состоялся его въезд в Москву; сотрудники министерств и ведомств прибывали сюда в продолжение тех полутора месяцев, что длилось путешествие императора по России. Ср. дневниковую запись В. А. Жуковского, также приехавшего в старую столицу, от 17 окт.: «У Булгакова. К<апо> д'Истрия, Стурдза <...>» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2004. Т. XIII. С. 124).
- ⁶ «Алеко [Aléko; домашнее имя Стурдзы] по-прежнему сидит один и чувствует мучения своего одиночества и затруднительное положение, в которое оно его ставит, сильнее, чем кажется ему самому», — сообщал И. А. Каподистрия графине Роксандре Эдлинг, старшей сестре Стурдзы (Вестник всемирной истории. 1900. № 5. С. 160; письмо от 5 (17) марта 1818; ориг. по-фр.). «Мрачная, постоянная, неизменная» (Там же. № 3. С. 211) меланхолия Стурдзы и малоудачные попытки близких ее развеять — лейтмотив переписки Каподистрии с Р. С. Стурдзой-Эдлинг. О тяжелейшем душевном состоянии Стурдзы весной 1817 г. см.: Ferdinand Christin et la princesse Tourkestanow. Lettres écrites de Pétersbourg et de Moscou. 1813–1819. М., 1882. P. 526.
- ⁷ Москвитянин. 1851. № 21. Отд. 1. С. 15.
- ⁸ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 519.
- ⁹ Во всяком случае, Каподистрия в цитированном выше письме к Эдлинг от 5 (17) марта замечал, что в момент его отъезда из Москвы в Варшаву (23 февраля) Стурдза оставался в старой столице и, по-видимому, намеревался пробыть там еще некоторое время. Сам Стурдза в составленном им в мае 1823 г. “Precis des annees de service du conseiller d’Etat actuel Stourdz” [«Сведения о службе действительного статского советника Стурдзы»] (РО ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. № 2. Л. 35 об.) указывает, что возвратился в Петербург в марте 1818 г.
- ¹⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899. С. 222; в предыдущем письме, датированном 18 апреля, сообщалось: «Стурдза еще здесь и с невестою, дочерью доктора Гуфеланда» (Там же. С. 220).
- ¹¹ Там же. С. 216.

- ¹² РО РНБ. Ф. 608. Оп. 1. № 5270. Л. 1 (ориг. по-фр.; письмо датировано 21 апреля/3 мая).
- ¹³ *Пушкин А. С.* Указ. изд. С. 567.
- ¹⁴ Письма Стурдзы (с приписками его матери и жены) к Северину (1818–1854) см.: РО ИРЛИ. Ф. 288 (А. С. Стурдзы). Оп. 1. № 84.
- ¹⁵ Сводку мнений лиц пушкинского круга об этом тексте см.: *Пушкин А. С.* Указ. соч. С. 565–566.
- ¹⁶ Одесский вестник. 1847. 12 и 15 февр.; перепечатано: Москвитянин. 1847. № 1. С. 217–228 (с пометой: «Одесса, 15-го января 1847»).
- ¹⁷ *Тиханов П. Н.* И. Гнедич: Несколько данных для его биографии по неизданным источникам. СПб., 1884. С. 96.
- ¹⁸ Цит. по: *Мартин А. А.* С. Стурдза и «Священный союз». С. 148.
- ¹⁹ *Revue de l'apnee* 1819 // РО ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. № 5.
- ²⁰ Стурдза цитирует написанное им полутора годами раньше и напечатанное для служебного пользования «Наставление для руководства ученого комитета, учрежденного при Главном правлении училищ...» (Б.м., б.г. С. 2).
- ²¹ Вестник всемирной истории. 1900. № 5. С. 168 (письмо к Р. Эдлинг; 1 нояб. 1820).
- ²² РО ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. № 26в. Л. 289–300; резюме см.: *Мартин А. А.* С. Стурдза и «Священный союз»... С. 150.
- ²³ Черновик письма к императору от 30 ноября 1821 см.: РО ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. № 47.
- ²⁴ РО ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. № 61. Л. 30 об. (письмо Стурдзы к жене; начало июня 1823 г.).
- ²⁵ Там же. Л. 66 (письмо от 18 апреля). Р. С. Эдлинг было пожаловано имение Манзырь в Бендерском уезде, Стурдза получил земли неподалеку. В совокупности эти угодья уже в 1824 г. должны были, по расчетам Стурдзы, принести своим новым обладателям «от пяти до шести тысяч пиастров [имеются в виду червонцы]».
- ²⁶ К сожалению, мы только в выдержках смогли ознакомиться с монографией, написанной одесскими краеведами Л. А. Ершовым и В. П. Романюком (Быть, а не казаться: Александр Стурдза и его время. Киев, 2004) с привлечением материалов Государственного архива Одесской области [ф. 141 (Гагарины-Стурдза)] и Научной библиотеки Одесского национального университета, куда М. А. Гагарина (урожд. Стурдза) после смерти отца передала его книжное собрание (как цельная коллекция не сохранилось).
- ²⁷ *Цявловский М. А.* Указ. соч. С. 354.

- ²⁸ Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. I: 1815–1825. С. 55.
- ²⁹ Северная пчела. 1854. 20 авг. С. 884.
- ³⁰ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1981. С. 98.
- ³¹ Гос. архив Одесской обл. Ф. 141. Оп. 1. № 23.
- ³² РО ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. № 12.
- ³³ Первые три действия см.: РО ИРЛИ. Ф. 288. Оп. 1. № 13; анализ текста — *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики, М., 1995. С. 165–166; *Зорин А. Л.* «Кормя двуглавого орла...»: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001. С. 177.
- ³⁴ Беседа и Арзамас... // Москвитянин. 1851. № 21. Отд. 1. С. 3.
- ³⁵ Воспоминания об Иване Никитиче Инзове // Москвитянин. 1847. № 1. С. 223.
- ³⁶ Семенов В. И. Указ. соч. С. 20.
- ³⁷ Беседа и Арзамас... // Москвитянин. 1851. № 21. Отд. 1. С. 17–18. Приурочение этих встреч к 1824–1825 гг. — ошибка памяти мемуариста.
- ³⁸ Notice biographique sur le comte J. Capodistrias, Président de la Grèce. Paris, 1832.
- ³⁹ РС. 1903. № 5. С. 398–399.
- ⁴⁰ РС. 1902. № 4. С. 184–185 (письмо от 20 июля).
- ⁴¹ Там же. № 5. С. 389.
- ⁴² В фонде Стурдзы в Рукописном отделе ИРЛИ (Ф. 288. Оп. 1. № 3) хранится рукопись объемом в 232 листа, озаглавленная «Отрывок из истории XIX столетия», но тот ли это манускрипт, который держал в руках Жуковский (и, возможно, Пушкин), или же другой список, сказать затруднительно.
- ⁴³ РС. 1902. № 5. С. 392 (письмо Жуковского к Стурдзе от 13 апреля).
- ⁴⁴ РС. 1903. № 5. С. 400–401.
- ⁴⁵ Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 230. Речь идет о четырехтомном издании переписки Каподистрии (Correspondance du comte Capodistrias, Président de la Grèce, éd. par E.-A. Bétant. Genève; Paris: Cherbuliez, 1839); биогр. очерк 1832 г. воспроизводился здесь в качестве преамбулы к первому тому (р. 1–128).
- ⁴⁶ Литературные приложения к «Русскому инвалиду». 1837. № 3. С. 28. «Notice biographique sur le comte J. Capodistrias» в русском переводе увидел свет через десять лет после кончины автора; см.:

Воспоминания о жизни и деяниях гр. И. А. Каподистрии, правителя Греции // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1864. Кн. II. Отд. 2.

- ⁴⁷ Помимо воспоминаний о «Беседе» и «Арзамасе» и об Инзове, при жизни Стурдзы на руссеком языке свет увидели следующие тексты: Евгений Булгарис и Никифор Феотокис, предтечи умственного и политического пробуждения греков (Москвитянин. 1844. № 2); Воспоминания о Н. М. Карамзине (Там же. 1846. № 9); Х. В. Гуфеланд (Там же. 1849. № 7); Дань памяти Жуковского и Гоголя (Там же. 1852. Ч. V); Дань памяти вельможи-христианина А. Н. Голицына (СПб., 1845).

TARTU ÜLIKOOLI
VENE KIRJANDUSE ÕRPETOOL
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

UNIVERSITAS TARTUENSIS
HUMANIORA: LITTERAE RUSSICAE

STUDIA RUSSICA HELSINGIENSIA
ET TARTUENSIA

X

«ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ»:
КУЛЬТУРНАЯ РЕФЛЕКСИЯ
ПРОШЕДШЕЙ ЭПОХИ

Часть 1

TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS